

Нулевой Аркан. Вопросы Смерти.

Александра Бурая

18+

Александра Бурая Нулевой Аркан. Вопросы Смерти.

<https://litres.ru/74554048>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тот, кто выбирает Тьму, будет выбран Тьмой в ответ.

Погрузитесь в мир приключений владелицы зачарованной колоды Таро. От чего она бежит? Какую сделку заключила, и каким образом вынуждена платить за свои решения?

Содержание

Предисловие	4
0. ДУРАК	7
МИЛОСЕРДИЕ	18
ПЯТЬ ДОЛЛАРОВ	29
1. МАГ	41
ДАР БОГОВ	50
У ДУБА	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Александра Бурая Нулевой Аркан. Вопросы Смерти.

Предисловие

Этот рассказ посвящается подсознанию, – той силе, что знала все на несколько лет вперед и толкала меня к написанию истории. А также, моим любимым друзьям и близким, в частности – дорогой Динаре, первому читателю. Твоя поддержка Аркана бесценна...

Страх жизни

Ты прячешься в небытие,

Давно уж не виню тебя за это.

Ты прячешься в небытие,

Боишься выглянуть во вне,

Как рыба в мерзлой полынье,

Один глоток, и вновь на дно.

Где чернь роднее света.

Под сводом толщи хрусталя

Играют блики, тень моя,

Маячет. Ждет. Надеется.

Роняет в полынью слова:

«Нет мира мне здесь, без тебя.

Я слеп, мой путь не стелится».

Кольнет мольба, вспархнет душа.

Плавник на перья сменится.

Сквозь страх я вижу твой полет,

Ногами вросши в толстый лед.

Моих рук дело полынья,

Впредь твой черед будить меня!

0. ДУРАК

Ранняя весна всегда сурова и непредсказуема, но в этом году она действительно проверяет на прочность людей и животных. После двух теплых майских недель, встретивших новорожденных телят ласковыми лучами солнца, нагрянули бураны и морозы, как в январе месяце. Фермеры выгнали на выпас скот не подозревая о надвигающийся катастрофе. Еще не окрепшие телята, нескольких часов от роду, брели по грудь в снегу, выбиваясь из сил и замерзая на ходу. То и дело, можно было заметить неподвижную фигуру отставшей от стада коровы, склонившую голову над бугорком снега. Именно поэтому, в непроглядную бурю, погонщиков вытащили из теплых домов и отправили на поиски отбившихся от стада коров и телят.

— Уведи Жнеца в бочку. Накрой тёплым одеялом и брось сена. Нужно освободить все стоила по левой стороне, — раздавал команды погонщикам старик Уилсон. Высокий, худощавый, старомодный и хромой, ничем не приметный старик с хриплым голосом. Он мягко подвязал мерена, неразборчиво бубня под нос.

— Забери Рыжего, отведи к кобылам. Этот ветеран ничего не учудит.

Совсем ещё зелёный погонщик, которого не пустили на поиски, взял под уздцы мерена и повёл из конюшни в сосед-

ний ангар. Старик провожал их взглядом, доставая помятую папиросу из нагрудного кармана. За сорок лет, что он владеет ранчо, происходило много неприятностей, но буран в середине мая был впервые.

— Эй, загоняй, есть место!

Дождавшись отмашки у ворот, всадник тронул пятками бока гнедой кобылы, и та, угрожающие прижав уши, погнала корову в конюшню. Телёнок совсем обессилел, и завернутый в попону лежал на крупе кобылы, подвязанный к седлу. Ворота аккуратно приоткрыли не выпуская воздух нагретый дыханием лошадей. Внутри ждали еще двое парней, закрывших собой проход вглубь конюшни. Когда корова встала в нужное стоило, всадник перевесился через седло и медленно сполз на деревянный пол. Если прыгнуть напрямик на окоченевшие от холода ноги, боль пробьет током по костям до самой макушки.

— Поедешь снова? — спросил юнец, развязывая узлы державшие телёнка на крупе кобылы.

— Да, пожалуй, меня хватит ещё на один выезд, — ответил всадник.

— Возьми меня в напарники. Старик боится, что я потеряюсь, но как я научусь чему-то таскаясь тут с молодняком?

— Нет, Киран, я справлюсь сам. Да и свежих лошадей уже нет. Научу тебя чему-нибудь когда закончится этот кошмар, а сейчас помогай тут.

— Ловлю тебя на слове, — усмехнулся тот, и принялся растирать соломой телёнка.

Всадник развернул кобылу и повёл обратно во двор.

— Амиго! — снова раздалось из-за спины. — Старик велел тебе взять карабин. Уже темнеет, волки могут выйти из леса, если ветер стихнет.

— Давай, лишним не будет. Он хоть заряжен?

— Полная обойма! — крикнул Киран, закрывая ворота.

Полоса света на снегу становилась все уже, пока не исчезла вовсе. Всадник запихнул карабин в седельную сумку и отправился обратно в долину, освещая путь тусклым светом керосиновой лампы. Он работает на этом ранчо уже давно. Хоть его полугодовая ставка не зависит от количества новорожденных, а в этом году выживших телят, он сильно привязан к этому месту, и чувствует, что обязан сделать все возможное. Его гнедая старушка устало задирает ноги и пробирается сквозь снег, так же как и всадник, напряженно высматривая одинокие рогатые силуэты.

— Не успели. Малыш совсем окоченел, — размышлял вслух всадник. — Почему природа так жестока к ним...

Судя по следам, корова поняла, что малыш окончательно сдался и пошла в сторону ранчо одна. Устало забравшись в седло, всадник двинулся следом. Холод и тьма погружали разум в полудрему, воображение рисовало картинки... "Только родился, и тут же окоченел. Не пробовал сочной травы, не

сменил телячий пушок на лоснящуюся под солнцем шерсть. Не рыл рогами землю перед боем, одурманенный весной. Из одного сна, сразу очутился в другом..." — к усталости добавилось скверное чувство. Непонятное.

— Лампа будет гореть еще час. Обратный путь займет по меньшей мере пол часа. Пора возвращаться, скоро от следов коровы ничего не останется. Ну хоть снегопад прекратился.

Одной интонации было достаточно, чтобы старушка поняла — пришло время идти домой, и ускорила шаг в предвкушении тепла и еды. Всадник тоже немного взбодрился. Он уже мысленно чувствовал соленый вкус жирной похлебки. Чувствовал, как та разливается теплом по всему телу и возвращает его в хорошее расположение духа. — Хоть бы Старик велел приготовить запеканку с яблоками. — Он заговорил хриплым голосом подражая: — Да, это удар под дых, но жизнь продолжается и мы должны работать на совесть и дальше.

Тревога резко дернула его нутро, обрывая дремоту.

— Где эта чертова корова?

Без ветра стало значительно теплее. От горячих боков и шеи кобылы снег таял и капал вниз. Следы коровы еле заметно выбивалась из снежной глади, вновь сворачивая левее.

— Скот всегда знает как добраться до дома. Либо мы все время шли неверно и сейчас выправимся, либо мы свернём в сторону леса. Что думаешь старушка, без луны я ни черта не вижу? — Кобыла жадно хватала воздух, переводя дух. Пар валил из ноздрей, но тут же растворялся в темноте. Всадник

вновь направился по следу. Усталость окутала его с новой силой.

— "Как такое могло случиться среди мая? Сколько лет я работаю у Уилсонов? Уже и не помню. Обычно, в мае мы уже спасаемся от жары в речке... Мне повезло попасть к Уилсону еще юнцом, помимо того, что я научился управляться со скотом, так еще и успел вдоволь насладиться свободой. Помню еще боялся, что не справлюсь, а сейчас вон, плевое дело: сезон за сезоном, год за годом, зимовки, отлучение молодняка, клеймение, аукционы, и зимовки снова по кругу. На удивление, это ранчо быстро стало для меня домом. Родной я уже и не помню. Не знаю, прав ли я был, когда ставил мать, братьев и сестер. Первое время было тяжело, им, возможно, тоже. Старшие все равно бы позаботились о младших... Даже не помню их лиц, так давно это было. Сейчас они все уже взрослые, наверное, растят своих собственных детей. Помню, как мы пели, и как мама готовила похлебку из дичи. Наверное, я уже никогда не буду так ловко стрелять из лука, как в те годы. Не знаю, чего стоило матери раздобыть тот лук, но когда я стал приносить домой жирных уток и кроликов, все единогласно решили, что впервые мое упрямство пошло семье на пользу..." — холод ублаживал всадника, все глубже погружая в мысли о прошлом. — "Удивительно, я ведь правда не помню их лиц, и не чувствую тоски по ним. Наверное, потому что у меня есть новая семья, и я доволен своей сытой и наполненной честным трудом жизнью. Загонщик То-

би, любитель читать умные книги на досуге, однажды сказал, что труд из обезьяны сделал человека. Я долго смеялся, когда услышал это впервые, но сейчас я понимаю, что именно труд дает мне силы вставать с кровати каждый божий день. В любую погоду и в любом настроении. Есть то, что я обязан сделать, и от того, как я это сделаю – хорошо или плохо, так или иначе зависит жизнь каждого работника ранчо. Мы как муравейник, в котором каждый выполняет свои обязанности..."

Кобыла запнулась от усталости, встряхнув седока.

— Ухх, как же холодно. Нельзя спать...

Старушка уставилась в темноту и захрапела. Не успел еще всадник подобрать поводья, как она словно волчок обернулась в противоположную сторону, едва не выбив его из седла. Пятясь назад она глубоко втягивала воздух, чтобы убедиться, что это "тот самый" запах. Всадник погасил лампу, слепившую его в темноте, и потянулся к ружью. Из всех сил напрягая зрение, он пытался разглядеть, чего же старушка так испугалась. Кобыла все еще пятилась прядая ушами во все стороны. Пять темных пятен пробирались по их следу.

— Волки... Может они спугнули крову?

Как бы то ни было, всадник с уставшей кобылой стали новой целью. – "Гнать до ранчо бессмысленно, кобыла уже выдохлась и падет на середине пути. Звать на помощь тоже бесполезно, звуки выстрела едва донесутся до ранчо. Остается только отстреливаться... Буду стрелять из седла. Если кобы-

ла взбесится и вырвав поводья бросится прочь, я труп. Решено, так и сделаю. Мало кто из волков любит свинец, достаточно будет их напугать выстрелами..." — быстро размышлял всадник, за то время, что погасил лампу и вынул ружье, приложив прикладом к плечу. Кобыла не сдвинулась с места, потому что погасшая лампа позволила ей увидеть позади себя то, чего не видел всадник. Они уже были окружены.

Треск выстрела осадил кобылу, что стало знаком для начала действий. Притаившиеся позади три молодых волка не знали охотников и выстрел не напугал их. За два широких прыжка они настигли задние ноги кобылы. Когда всадник перезаряжал карабин, кобыла сжалась как пружина и отчаянно ударила задом, отчего всадника бросило вперед в седле. Как на родео, тут же последовал второй толчок уже спереди — кобыла встала на дыбы. Перевалившись вперед он попытался ухватиться за рог, чтобы найти опору, как затылок кобылы мощным ударом расплющил ему нос. В глазах потемнело, и на следующий толчок от удара задними ногами он уже размякший рухнул в снег, застряв ногой в правом стремяни.

Темнота и тишина сменились звоном в ушах и болью в переносице. Всадник смутно видел мелькающие ветки и плывущие звезды. Небо прояснилось. Иногда его ударяло в бок, иногда он бился головой о что-то лежащее на земле. Его тошнило. Под куртку забивался снег обжигая спину. Кобыла с пеной у рта, из последних сил пыталась скрыться в лесу от

преследователей. Она могла бы и спастись, но тело висевшее сбоку тормозило ее. Всадник волочился загребая снег и цеплялся за ветви кустов.

Темнота и тишина сменились звоном в ушах и болью в переносице. Всадник смутно видел мелькающие ветки и плывущие звезды. Небо прояснилось. Иногда его ударяло в бок, иногда он бился головой о что-то лежащее на земле. Его тошнило. Под куртку забивался снег обжигая спину. Кобыла с пеной у рта, из последних сил пыталась скрыться в лесу от преследователей. Она могла бы и спастись, но тело всадника волочилось сбоку загребая снег, и цеплялось за ветви кустов.

Темнота и тишина снова сменилась звоном. Удары в бок стали чаще и сильнее. Он открыл глаза. Кобыла уже лежала на боку. Задние ноги ее судорожно бились и скользили в снегу ударяя его по ребрам. Её горло было стиснуто в челюсти одного из волков. Хриплое ржание, больше похожие на человеческий крик, становилось все тише и прерывистей. Ноги двигались медленнее, пока не перестали двигаться вовсе. Всадник тоже не шевелился. Волки сочли кобылу более лакомой добычей и принялись рвать ей брюхо, слизывая горячую кровь со снега, попутно огрызаясь между собой. Только один из молодых волков, не пробившись к брюху, робко ходил вокруг, пока не подошел к всаднику. Переносица была сломана ударом тяжелого затылка, теплая кровь лилась по

лицу стекая на шею. Молодой волк обнюхал всадника, попробовал кровь на вкус. То ли от ужаса, то ли от прикосновения горячего языка зверя – всадник дрогнул. Волк оскалится и сделал шаг назад. Всадник медленно потянул руку к рабочему ножу на поясе, не сводя глаз с волка. Волчьи губы подрагивали от напряжения обнажая белые клыки, каждый раз, как его рука предательски дергалась, из-за скованных холодом мышц. Когда он, наконец, нащупал рукоятку ножа, напряжение достигло предела. Волк бросился к его горлу.

Всадник инстинктивно закрылся рукой, запихав предплечье левой руки в разинутую пасть. Когда волк стиснул зубы, лезвие ножа уже вошло в холодный мех по рукоятку. Стая пожирающая лошадь шумела. Их измазанные кровью шкуры мелькали хаотично, как стая рыб. Кажется, он лежал неподвижно целую вечность. Его рука все еще была зажата в тисках. Зрачки волка медленно расширялись и сужались, а дыхание прерывалось бульканьем в легких. Он уперся правой рукой в нос волка и изо всех сил надавил. Пасть туго разжалась, волк уже не дышал. Тихо оттолкнув каченеющего зверя, всадник руками вынул ногу из стремени и перевернулся на живот. В месте укуса, под рукавом куртки, разливалось покалывающее тепло, и тупая боль. Правая нога не болела, но и не шевелилась, тошнота усилилась от железного запаха крови. Он вынул из груди волка нож.

— "Я обречен. Надо ползти, это все что я могу... Если остальные меня не заметят, я хотя бы умру не разорванным

заживо, а просто изойдусь кровью и замерзну..." — он уперся руками в землю где-то под снегом. Каждый раз, когда он переносил вес на левую руку, в голову била новая вспышка боли и тошноты. Его собственная кровь смешалась с волчьей и разбегалась витиеватыми узорами в снегу. После нескольких попыток сдвинуться с места, он сдался, и больше не шевелился. Ужас сковал его, только капающие слезы из закрытых глаз выдавали, что он жив. Где-то, отдаленно, будто из соседней комнаты, доносилась волчья возня. Резкими рывками его оттаскивало назад. Это другой молодой волк разрывал сапоги и джинсу брюк на голени, оттягивая его в сторону, пока остальные пировали уже остатками кобылы. Всадник не чувствовал боли. Он чувствовал лишь одиночество. Ушел из дома за лучшей жизнью, а теперь умирает здесь. В глуши. Разорванный волками, там где никто не найдет останков, чтобы почтить его память.

Он бежит к маме, женщина в длинной юбке стоит к нему спиной, варит похлебку из рыбы. Он зовёт ее, но та не оборачивается. Он уже не помнит ее лица, а она не может отвлекаться по пустякам, ей нужно прокормить четверых детей. Похлёбка из купленной рыбешки не такая вкусная как лесная дичь. Младшие должны хорошо есть, чтобы вырасти здоровыми и достойными людьми. Людьми, чьи лица он не вспомнит.

Он бежит к ранчо, он зовет на помощь. Но никто не обо-

рачивается. Каждый занят своим делом, а в конце дня пьет свой жирный бульон, и ест жаркое из недавно околевшего теленка, оставляя невзгоды в прошедшем дне. Работники ранчо проходят в свои хижины, ложатся спать. Их ждет новый день и прежние обязанности.

Он снова один, тоска сжимает ребра адской болью. Теперь он почувствовал ее. Тоска скребла изнутри долгие годы. Он считал, что он часть чего-то, что он не один. Он — это род Буэнос, он — это ранчо Уилсона. Он — это... никому не принадлежащий, никем не оберегаемый. Один, в этом лесу.

— Ты помнишь мое лицо, мама? Ты родила меня, растила, пела песни перед сном, чтобы оставить здесь? Ты вспоминала обо мне, после того как я ушёл? — говорил он почти беззвучно в бреду. Пальцы околели от холода, крепко сжимая рукоять ножа. Тело его больше не слушалось. Он безвольно лежал лицом в снегу и бормотал: Я не хочу... Я не хочу вот так... Как тот теленок... Не хочу... Пожалуйста... Не хочу...".

Его заметили. Рывками утаскивали, сдирая сапоги, разрывая кожу, когда по холодному воздуху раскатился сухой треск. Всадник почувствовал, как по земле под его щекой разносятся тяжёлые удары подкованных копыт. Он уловил почти призрачный запах пороха и керосина — присутствие человека. Он не один. Этого было достаточно, чтобы он перестал сопротивляться и потерял сознание, лежа в черном снегу.

МИЛОСЕРДИЕ

Стук в стекло. Едва заходилась рассвет, воздух был холодным и влажным. Звёзды теряли свою яркость, уступая лучам солнца.

— Проснись и пой! — бодро раздался голос за окном.

Дункан поежился в постели, проклиная тот час, когда согласился ехать на рыбалку. Но он знал, что спустя пару часов сидя на берегу реки под тёплыми лучами солнца, ни за что не захочет вернуться в постель. Осилив себя он перевалился на край кровати и открыл глаза.

— Иду! — недовольно прохрипел он, вставая на ноги и растирая глаза. Теперь уже стучали в дверь, так же бодро и настойчиво.

— Давай быстрее, я тут окоченел! — раздалось из-за двери.

Молодой ирландец переминался с ноги на ногу, стоя на пороге рабочего домика, где жил погонщик Дункан. Дверь открылась, Леон ввалился в дом загребая в медвежьи объятья сонного друга.

— Если бы не я, спал бы как боров до обеда!

Дункан вяло и недовольно вырвался из объятий, пробухтел под нос что-то вроде приветствия и пошёл обратно в комнату. Леон, все с тем же энтузиазмом, разжег небольшую печь в углу кухни и поставил греться кофейник. Дом на-

полнился ароматом кофе. К этому времени из комнаты вышел Дункан уже в дорожной одежде и с кроткой улыбкой на губах. За десять лет, казалось бы невозможной дружбы, двух настолько разных людей, Леон узнал несколько способов развеять угрюмость товарища.

Кофе допивали уже у конюшни. Дункан седлал своего рабочего мерена. Стоило ему затянуть подпругу, как пегий ударил задним копытом в воздух, показав своё недовольство.

— Злится каждый раз, как в первый, — буркнул Дункан, заправляя ремни подруги.

Леон в это время наблюдал со стороны, облокотившись на стену конюшни и потягивал кофе. От услышанного он довольно хмыкнул, подметив, что в этом они с хозяином очень похожи. Её же рослая гнедая кобыла сладко дремала у дерева перед домом, где он её оставил. На сколько позволяла длина веревки, она вышла из тени дерева подставив круп тёплым лучам солнца и прикрыла глаза. Из ноздрей еле заметно поднимались витиеватые клубы пара. Ночи были все ещё по зимнему холодными.

Выехали они чуть позже, чем планировали, солнце уже поднялось из-за леса, растопив иней на траве. Путь лежал через долину к подножью Щербатой горы. Там, в двух часах езды от ранчо, протекала горная река, где водилась жирная осетрина.

— Как твоя спина? — спросил Леон, когда они выехали за ворота.

— Уже лучше.

— Хорошо тебя рыжий приложил об забор, тебе надо бы поберечь себя.

— Надо, только ты сам знаешь, что не могу.

— Это все глупости, ты ничего не должен отцу. Единственное, чего он хочет, это что бы ты был жив и здоров.

— Тебе меня не понять, давай не будем об этом.

— Опять ты... Ладно, давай сменим тему. А что хочешь делать в этот сезон?

— А что еще я умею так же хорошо, как объезжать дичков?

— Я могу показать тебе бухгалтерское дело. Будем вместе сидеть в кожаных креслах, а не на хребте этих зверей! — он хлопнул по холке свою кобылу, та была такой сонной, что даже не повела ухом.

— Бухгалтерское дело — это для таких пронырливых как ты.

— Не спору, с твоей замкнутостью будет непросто.

— У меня и так все хорошо, — ответил Дункан.

— Кроме ноющей спины от очередного падения.

Леон ехал чуть впереди и обернулся к другу. Он правда переживал за его здоровье, Дункан сидел в седле немного сместившись в бок, чтобы приглушить боль.

— Это не впервой, пройдёт, лучше следи за своей спиной, ты же сейчас не в кресле, — он легонько хлестнул поводом кобылу друга, чтобы та взбрыкнула, но она лишь повернула

голову и остановилась.

— И я еще пронырливый? — Леон засмеялся раскатистым смехом.

Дальше, до самого подножья горы Дункан ехал молча. Леон напевал ирландские песни, местами вставляя слова на английском, потому что начал забывать родной язык. Поднявшись на холм образующий обрывистый берег реки с одной ее стороны, Леон достал бинокль, что-то привлекло его внимание на другом берегу.

— Кобыла пришла на водопой одна. Наверное отбилась, чтобы ожеребиться, хотя бока не сильно округлые. Точно, вон и жеребенок под деревом.

— Это наша или Уилсона?

— Скорее всего Старика. Не знаю никого в округе, кто держит аппалузу.

Дункан тоже достал бинокль. На берегу жадно пила холодную горную воду белая кобыла с редкими леопардовыми отметинами. Кобыла выглядела рослой и изящной, вместо левого глаза у нее была пустая впадина. Инфекция или травма лишили ее глаза, теперь она была трофеем Уилсона и приносила хороших полукровных жеребят. На этот раз под деревом спал ее бурый жеребенок трёх дней от роду. Они возвращались к табуну, и кобыле нужно было набраться сил.

— Бурый, от Жнеца наверное.

— Жнеца?

— Да, Уилсон под старости лет ходит на сезонное родео,

и однажды его покорил серый дичок, который выбивал всю дурь из тех, кто ему не нравился. А под теми, кто вызывал у него иные чувства, он брыкался как месячный козленок. Так он стал звездой нескольких сезонов, потому что те, кто ему не нравился, не смогли просидеть и трех секунд, настолько он был свирепый. За это его и прозвали Жнецом – он сам решал, кому собирать кости по арене, а кому забрать награду.

— Интересный он, теперь племенной?

— Да, весь выводок на ранчо Уилсона от этого красавца. Он ростом с тебя в холке. Огромная зверина. Зато его полукровные потомки отлично чувствуют скот и ни капли его не боятся.

— Тише, кобыла встревожилась, давай посмотрим.

Дункан снова поднес бинокль к глазам. Кобыла подняла голову от воды и с храпом втягивая воздух пыталась определить, что именно вызвало чувство опасности. Жеребенок находился слева от нее, в слепой зоне, поэтому ей пришлось вращать головой и проверять все ли с ним в порядке. Жеребенок спал. Наконец, кобыла учуяла — кугуар.

Пронзительным ржанием она будила жеребенка и стрелой поднималась к нему с каменистого берега. Жеребенок уже перебирал свои длинные и непослушные ноги, пытаясь скорее встать, как друг кусты позади дерева ожили. Гибкое тело кугуара растянулось в прыжке, едва не касаясь когтями задних ног малыша, который уже поднимался с места в галоп. Тело кошки молниеносно сжалось в пружину для очередного

прыжка. Задние лапы оттолкнулись, узкие зрачки четко видели цель. Полет прервала кобыла налетевшая на кугуара как каменный обвал. Снеся его грудью, она выиграла несколько секунд для малыша, который бежал прочь, широко разбрасывая длинные ноги, неуклюжие словно ходули. Кугуар быстро пришёл в себя и снова кинулся в погоню за жеребенком. Началась смертельная гонка.

Кобыла неслась бок о бок с горным львом заложив уши и оскалив зубы. В момент, когда она опередила кугуара, ситуация играла не в ее пользу, тот снова оказался в слепой зоне. Кобыла резко остановилась взрыв копытами землю и еще более стремительно отбила задом. Удар был способен раскроить череп кошке, но пролетел мимо, едва задев шкуру на загривке. Драгоценное время было потеряно. Пока кобыла вновь набирала скорость, кошка продолжала свой стремительный бег к цели. Едва настигнув задние ноги жеребенка, кугуар поставил точку в погоне. Когти, как мясные крюки, впились в мышцы бедра. Жеребенка рвануло назад и вбок. Не успевая подставить длинные передние ноги, он кубарем повалился на землю. Кугуар вырвал когти из плоти и замкнул пасть на горле жеребенка. Кобыла опоздала, их разделяло еще два ярда. Клыки впились в мягкую шею, как безжалостные тиски перекрывая кислород и раздавливая мышцы. Жеребенок бился и пронзительно визжал моля о помощи, когда половину головы кугуара снесло нечто, со свистом пронесшееся в воздухе.

Кобыла Леона присела от раскатившегося треска выстрела. Засмотревшись в бинокль он не заметил, как Дункан вынул винтовку из седельной сумки. Кугуар свалился замертво, теперь его тело с особой жестокостью топтала кобыла.

— Что происходит? Ты промахнулся? Зачем ты вообще стрелял? — Леон растерянно пытался понять случившееся.

— Мне как раз нужна шкура для выделки, эта подойдет.

— Шкура!?! Ты в своем уме? Жеребенок теперь будет обливаться кровью и умирать еще несколько часов.

Дункан молча убрал винтовку и тронул лошадь в сторону переправы. Только спустя час они добрались до туши. Кугуара уже разделявали мясные мухи и муравьи. Кобыла растоптала его внутренности и кости в кашу, окончательно испортив шкуру.

— Будем их искать? — спросил Леон.

Дорога на переправу проходила через небольшой пролесок, тогда всадники потеряли кобылу с жеребенком из виду. Но глубокая кровоточащая рана не позволит им уйти далеко, свалив обессиленного жеребенка на полпути к табуну.

— Нет, — сухо ответил Дункан.

— Отлично! Что ты творишь вообще!?! — Леон искренне недоумевал, а Дункан вынул охотничий нож и принялся разделять тушу отмахиваясь от мух. — Знаешь, иногда лучше и не пытаться тебя понять. Жду тебя под деревом, поедем дальше, — разочарованно бросил Леон, уходя к лошадям под тень дерева, где недавно спал жеребенок.

Дункан молча срезал кожу стиснув зубы до боли в жевачках. Больше они этого не обсуждали и рыбалка выдалась скверной. Рыбы поймали много, но в основном молча, перекидываясь короткими фразами. Леон был зол, что так и не получил внятного ответа, а Дункан ушел в свои мысли и не придавал значение молчаливости друга.

Фургон запряженный четверкой вороно-пегих кобов неспешно двигался по прерии. На козлах сидели двое людей и оживленно разговаривали.

— Расскажите о вашем муже, Мисс Роккайо. Да, вы и так много о нем рассказывали, но что с ним произошло?

— Он был матадором. Прекрасным матадором, насколько может быть прекрасным что-то в этом празднике жестокости, под названием "Коррида". Я лишь однажды была в городе во время Фиесты. После мучений благородного животного, что мне довелось увидеть, я больше не появлялась там. Но в тот день мой муж был прекрасен. Даже несмотря на то, что его танец нес смерть и боль, он завораживал каждым своим движением. Считанные доли секунд отделяли его плоть от бычьих рогов, он всегда предсказывал в какую сторону нужно ускользнуть, будто мог заглядывать в будущее. После того как мы поженились и я осталась жить в его городе, он приносил мне ухо каждого поверженного быка – как знак любви. А я, каждый раз ждала пока он свалится в глубокий сон после бурного празднования победы, сжигала эти уши

в камине с травами. Молясь о том, чтобы в следующий раз он знал в какую сторону ускользнуть. Хосе любил меня по-своему, а я его по-своему, — на мгновение женщина провалилась в воспоминания, взгляд ее стал грустным и безучастным, но наскочившее колесо на камень встряхнуло фургон вернув ее в реальность. Она продолжила рассказ. — Однажды, ему наскучили бурные празднования и все обошлось посиделками в кругу друзей. Когда он вернулся домой ему не спалось, он спустился вниз смочить горло застав меня со сложенными руками в молитве, в комнате пропахшей паленой шерстью, мясом и травами. Он молча смотрел на меня стеклянными глазами, что-то в его разуме не находило себе места. Я тоже не решилась издать и звука, зная, что хоть он и женился на цыганке, никогда не верил в пророчества и колдовство. Так он и ушел, очертя комнату глазами, а на следующее утро будто и не помнил, о том, что видел. Но после очередного боя быков он вернулся с пустыми руками. В тот раз я не молилась над амулетами и травами, а в следующую корриду его пронзил насквозь рог рыжего быка.

— Сочувствую вам, Мисс.

— Не стоит. Матадоры не умирают в постели от старости. Если ему повезет завершить карьеру без смертельной раны, то каждый полученный им удар или едва заметный тычок, будут напоминать о себе с каждым годом все сильнее, пока окончательно не сведут в могилу. Я клялась быть с ним пока смерть не разлучит нас. Я знала это, но не смогла устоять

перед его красотой и силой духа. Для Хосе это была игра. Танец. Он всегда был уверен в своей неуязвимости, даже когда это граничило с безумием.

— Возможно, я задам глупый вопрос. Но не думаете ли вы, что это взаимосвязано? То, что вы не провели ритуал и...

— Давно прошло то время, когда я рвала волосы на голове от отчаяния и ненависти к себе, за то, что не молилась за него в ту ночь в десять раз больше прежнего. Тогда я поняла его молчаливый упрек. Он не хотел и думать, что его неуязвимость может быть колдовскими чарами, это задело его достоинство. Потому он и не принес ухо. А это задело меня.

Едва договорив, она пристально посмотрела в даль и оставила лошадей. Воздух нагретый солнцем поднимался теплыми потоками вверх, искажая все, что было в дали.

— Мне мерещится или там стоит белая лошадь?

— Нет, Мисс, вы правы, я тоже ее вижу.

— Почему она одна, мы же не видели табуна или людей поблизости?

— Может отбилась или потерялась, или совсем больна.

— Мне надо к ней.

— Что? Зачем она вам?

— Не знаю, но я чувствую, что мне надо к ней. Нило, распряги мне одну лошадь, я быстро.

— Да, Мисс. Но я не отпущу вас одну, подождите, пока я возьму себе вторую.

Мисс Роккайо лишь молча улыбнулась.

ПЯТЬ ДОЛЛАРОВ

Полуденное солнце плавило воздух. Сухая трава еще не сменилась на свежую зелень и хрустела под тяжелыми копытами двух тяжеловозов. Мисс Роккайо и ее спутник приближались к одинокой кобыле.

— Нило, что там рядом с ней?

Молодой всадник глухо стукнул пятками в бока тяжеловоза поднимаясь с места в галоп, чтобы первым осмотреться. С тех пор, как Мисс Роккайо нашла его в лесу, зашила раны обмораживая руки на ледяном ветру, помогла пережить лихорадку не смыкая глаз несколько ночей, прогнала саму смерть травами и амулетами — он всем своим существом был ей предан. Парень не позволил бы даже крысе приблизиться и напугать её.

Кобыла напряженно выжидала. Уйти она не могла, жеребенок потерял много крови и проваливался в последний безмятежный сон. Рана уже не болела.

— Мисс, здесь жеребенок! — крикнул Нило. — И он кажется не жилец, — сказал он чуть тише, зная, что это ее расстроит.

Она спрыгнула едва остановившись рядом. Кобыла прижала уши, давая понять, ни смотря ни на что, та будет защищать малыша. Нило отвел в сторону тяжеловозов и спутал им ноги поводьями. В это время Мисс Роккайо медленно

подходила к кобыле протянув руку, в попытке завоевать ее доверие. Несмотря на конюшенное содержание, до того как она лишилась глаза и попала к Уилсону, десяток лет жизни в табуне укоренил в ней убеждение, что люди не приятнее пастушей собаки. Кобыла нервно била хвостом по бокам и рыла землю, в ней боролись два желания. Вцепиться зубами или позволить теплой руке коснуться лба. В ее памяти всплывали воспоминания — иногда, после человеческого прикосновения происходило что-то хорошее.

Пальцы едва коснулись храпа, как кобыла задрала голову косясь одним глазом. Мисс Роккайо не дрогнула, ее рука по-прежнему медленно тянулась уже к шее кобылы. Перебирая ногами на месте, та взвизгивая подавляла импульс накинуться и растоптать женщину. Лишь спустя минуту, кобыла позволила прикоснуться к себе. Тихий голос успокаивал её. Мисс Роккайо ласково говорила с ней, заглядывая в широко раскрытый глаз, мелькающий белком то слева, то справа. Кожа век была розовой и украшена черными крапинками присущими аппалузам. О них и говорила Мисс Роккайо.

— Тише, красавица. Дай полюбоваться. Я никогда не видела таких красивых пятнышек. У твоего малыша наверное тоже есть такие. Дай взглянуть и на него тоже. Мы не причиним вам вреда. Даю тебе слово, как женщина женщине, — она улыбнулась и более уверенно коснулась шеи кобылы, та была мокрой от пота.

— Осторожно, Мисс. Лучше прогнать её, — Нило пере-

живал не меньше, знакомое тавро на плече кобылы навевало неприятные воспоминания.

— Она почти успокоилась, дай нам еще немного времени, не трогай пока малыша.

Нило отступил на два шага и отвел взгляд от кобылы понижая градус напряжения, но продолжая улавливать все ее опасные вздрагивания краем глаза. Жеребенок еле заметно дышал. «Чего так сопротивляться, и так много чести, сюсюкаться с ней» — ворчал он под нос, нервно покусывая обветренные губы. Нило опустился коленом на землю и осмотрел рану жеребенка. Его выражение лица выдавало скверность ситуации. Мисс Роккайо такой расклад не устраивал, в её сердце была непоколебимая уверенность, что все можно уладить.

— Смотри, там телега какого-то бакалейщика, и, кажется, у него проблемы.

— И?

— И, надо подъехать узнать, чем мы можем помочь.

— Тебе не терпится найти приключений на свою рыжую задницу?

— А тебе так хочется верить, что весь мир ждет момента, когда ты расслабишься, чтобы напасть? Поверь, за твою голову нет награды даже в пять долларов, никто не захочет тратить на тебя патроны.

— Горло можно перерезать без особых затрат.

Леон устало посмотрел на друга и тронул свою гнедую кобылу. "Боже милостивый, иногда мне кажется, что в его черепную коробку кто-то кинул пару камней, нагадил сверху и хорошенько встряхнул..." — бормотал он направляясь к фургону с распряженными лошадьми.

Дункан довольно ухмыльнулся и поехал следом.

С виду фургон был целым, но лошади распряжены и было их меньше, чем предполагала упряжь. Полотно образующее крышу расписано растительными узорами со временем выгоревшими на солнце. Корпус фургона, из темного искусно обработанного дерева, не поддавался погодным условиям так же легко. Борта обрамляла резьба и множество створок, предназначенных для хранения и продажи лекарственных растений и снадобий. Рядом паслись два спутанных вороно-пегих тяжеловоза, необычайно гривастых для местных пород.

Подъехав ближе, друзья заметили приближающиеся изда- лека фигуры двух таких же тяжеловозов с всадниками, скры- ваемых ранее фургоном. Спешившись, они быстро осмотрелись. Дункан искал доказательства опасности, Леон же, восхищался тонкой работой мастера и нарядностью лошадей. Спустя минуту можно было четко разглядеть фигуры – первым ехал молодой мужчина, следом женщина в длинной юбке. И белая кобыла, идущая за ними. Друзья переглянулись от осознания, что это та самая одноглазая кобыла. А молодой

мужчина, уже с четко различимыми мексиканскими чертами, вез перед собой свисающее по обе стороны длинными ногами тело жеребенка.

С момента, как двое мужчин показались из-за фургона, Нило не покидала тревога. Он не столько боялся нападения, сколько его тревожила ревность. Он не хотел этого признавать, но любой мужчина, приближающийся к Мисс Роккайо, вызывал у него ненависть и отвращение. В его случае все было ясно, цыганка не воспринимает его в серьёз. И тем больнее ему было осознавать, что у каждого встречного может быть шанс, которого он так хотел. Когда они наконец достигли фургона, Нило не торопился спешиваться и взглядом указал на то же Мисс Роккайо.

— День добрый, амигос, — начал первым Нило.

— Добрый, дружище! — воскликнул Леон, озаряя незнакомцев улыбкой. — Не подумайте лишнего, мы лишь возвращались с рыбалки на ранчо "Уотерфорд" и заметили бакалейщика с неприятностями, как нам показалось, — обернувшись к Дункану, в поиске подтверждения своих слов, но застал, как тот стеклянным взглядом уставился на цыганку.

— Ох, как любезно с вашей стороны. Действительно, произошла неприятность, но не у нас, а у этого прекрасного малыша, раны которого мне нужно срочно промыть и зашить, — Мисс Роккайо выехала вперёд и продолжила разговор, как ей казалось, разряжая обстановку. Но в это время Нило уже мысленно проклинал обоих путников.

Дункан продолжал находиться в раздумьях не сводя с женщины глаз. Обладая врождённой эмпатией, Леон собственной кожей ощутил треск электричества исходящий от молодого мексиканца. Незаметно для других он ковырнул шпорой в бок свою кобылу, так, чтобы она приняла в лево и толкнула плечом мерена Дункана. Результата долго ждать не пришлось. Пегий прижал уши и пнул в воздух задней ногой, угрожая кобыле расправой. Придя в себя от качки в седле, Дункан резко перевел взгляд на мексиканца, теперь напряжение почуял и он. Леон продолжал: — Тут недалеко ранчо моего отца. Можем проводить вас и показать жеребенка врачу.

Обернувшись через плечо к Нило, Мисс Роккайо взглядом задала вопрос, как лучше поступить, на что Нило, ощущая долгожданную важность, ответил всем: — Он не дотянет. Мы сделаем все что можем здесь, и если вы готовы ждать, то примем вашу помощь и поедем на ранчо вместе. Если же спешите, мы приедем позже по ориентирам, — Нило не хотел принимать их помощь вовсе. Но выше его гордости было желание позаботиться о Мисс Роккайо. После трех дней пути ей пойдет на пользу мягкая постель и горячая ванна. Как и ожидалось, ответ обрадовал спутницу.

— Мы подождем, дружище, — ответил Леон, утвердительно взглянув на друга. Это не обсуждалось, Леон обожал гостей, как и его отец. Да и терпение по отношению к перепадам настроения Дункана на сегодня закончилось.

Расседлав лошадей друзья легли отдыхать в тени фургона. Одноглазая кобыла терпеливо стояла рядом. Нило приносил кипячённую воду и тряпки, пока Мисс Роккайо изогнутой иглой сшивала мышцы и жилы, еле слышно проговаривая заговоры.

— Что это было? — спросил Леон, откинувшись спиной на брошенное на землю седло, присоединяясь к другу.

— О чем это ты? — бухтел Дункан едва не проваливаясь в сон.

— Я о том, как ты таращился на эту цыганку.

— Таращился? — он недоумевал и блуждая в мыслях пытался вспомнить ее лицо.

— Да-да, как полоумный, — понизив голос он продолжал. — Я думал этот мексиканец перережет тебе глотку за такую дерзость.

— А вот это я помню. Но я не таращился. Говорил же, всегда найдется желающий перерезать мне глотку, — довольно улыбнувшись он сильнее надвинул шляпу на глаза и притих. Леону оставалось лишь смириться и поступить так же.

По другую сторону фургона стоял запах крови и спирта.

— Что думаете насчёт этих бродяг? — спросил Нило, как бы невзначай, прижимая пальцами пульсирующую артерию глубоко в ране, когда-то струей изливавшую кровь.

— Как провидица, или как женщина? — Мисс Роккайо

знала о притязаниях парня, и обычно избегала этой щекотливой темы, но сейчас она была слишком сосредоточена и отвечала прямо, чем сильно смутила его. Почувствовав себя раздражительным, Нило умолк. — Я думаю, что эта встреча не случайна, — добавила она.

Нило все ещё молчал, он уже пожалел о заданном вопросе, и чувствовал, как его лицо наливается свинцом от осознания своей глупости. Машинально накладывая швы Мисс Роккайо ушла в себя и продолжала размышлять над этим вопросом. В действительности, она что-то почувствовала. Как в ту бурную ночь, когда кони понесли в лес. Что-то, что происходит вне зависимости от ее мнения. Что-то, что вновь связано с "ней".

Закончив, они уложили жеребенка в фургон и вышли к отдыхающим друзьям. После знакомства и небольшой беседы все понемногу расслабилась и общими усилиями запрягли тяжеловозов. Распалив детский восторг и воспоминания Леона об ирландских косматых лошадях, Мисс Роккайо подробно рассказала о четверке и фургоне. Это была четверка цыганских кобов. Все как на подбор пегие с длинными гривами и не менее длинными и пушистыми щетками на ногах. Их имена вторили старой испанкой легенде о четырех элементах — вода, огонь, ветер и совесть, которую однажды потеряв, уже невозможно найти. Так же как и фургон, их подарили родственники Мисс Роккайо в день свадьбы, в память о жизни в таборе, и как возможности, в любой момент, словно

через приоткрытую дверь вернуться к кочевой жизни, если что-то не заладится в городе.

Спустя час пути они настигли ранчо "Уотерфорд", названное так, в честь родного города семьи Леона. На первый взгляд, об Ирландии здесь напоминали, разве что, сами члены семьи вышедшие во двор. Семья О'Кейнов шумно вышла встречать гостей. Высокий рост, огненно рыжие волосы, широкие скулы и громкий раскатистый смех. Кеган старший — глава семьи и владелец ранчо, был рад гостям, он широко улыбался предвкушая богато накрытый стол и интересные истории. Кеган Младший и Райан, двойняшки на несколько лет старше Леона, прикидывали как можно будет выторговать этих нарядных лошадок. Самый младший сын в семье — Тиган, двадцати лет от роду, имел дерзкий нрав и уже представлял, как приглашает на свидание цыганку сидевшую на козлах. Хозяйка дома — Аверин, перебирала пальцами длинную огненную косу, надеясь потом купить что-нибудь необычное у задобренных элем гостей.

Из рабочих домиков и хозяйственных построек тоже стягивались люди. На этом ранчо приезд гостей, или завершение значимых сезонных дел, означает всеобщее гуляние. В прошлом году, черная корова, из такого же абсолютно черного стада, принесла белого теленка. Кеган Старший счел это благим знаком богов и подарил каждому работнику ранчо по собственной корове. Которые, в свою очередь, принесли новым хозяевам по теленку этой весной. Это событие тоже

бурно праздновалось. За все время по собственному желанию с этого ранчо ушел только Дункан, но вернулся спустя два года, так и не найдя своего счастья за его пределами.

Чуть отложив подробное знакомство, Леон привел врача и попросил Тигана принести из столярки мешки свежих опилок в самый тихий угол конюшни. Кобыла стояла рядом, через перегородку, сдержанно подпуская к малышу местного врача, по совместительству лечащего и животных ранчо.

— Рана чистая, швы отличные, сделаем компрессы от отеков. Будем доить кобылу и поить его с бутылки, что бы жеребенок лежал как можно дольше. Растущий организм быстро справится, через неделю будет бегать, вот увидите, — сказал мужчина в возрасте с военной выправкой, поглаживая по шее спящего малыша. В это время во дворе, старшие сыновья распрягали четверку.

— Готов отдать сотню коров за этих красавцев! — крикнул Райан едва увидев гостей.

— Две сотни! — перекрикнул его Леон, уводя на развязки одного из коней. Коваль уже получил распоряжение обновить подковы четверки, мужчина в кожаном фартуке натачивал копытные ножи готовясь к работе.

Стоя у фургона, глава семейства распутывал длинную гриву одного из коней, аккуратно разделяя белые и черные пряди, пока словно завороченный не засмотрелся на россыпь голубых крупиц в лиловом глазу. — Они словно из мифов, — тихо сказал Кеган, после чего обратился к Мисс Рок-

кайо. — Сын уже рассказал мне, что это цыганские лошади. Мне действительно нужно привезти несколько таких для будущих внуков.

Мисс Роккайо облегчено вздохнула. Ее кони всегда привлекают внимание. Их пытались выкупить и для разведения, и в цирк, и в экипаж одной состоятельной дамы, которая предлагала целый слиток золота за голову. — Они для меня дороже всего, — сердечно ответила цыганка. — Но если вдруг, я осяду и займусь их разведением, вы первые получите жеребят, в благодарность за вашу доброту и гостеприимство.

Кеган расплылся в счастливой улыбке. — Эти слова нужно срочно повторить за столом и закрепить элем!

Радостный гул поднялся по всему двору хозяйства, все спешили завершить дела и скорее собраться в общем зале.

Аверин располагала гостей, учтиво поинтересовавшись, нужны ли им отдельные комнаты. Мисс Роккайо разместили на втором этаже ближе к лестнице, в комнате с ванной. Помощницы хозяйки уже наполняли ее горячей водой, аккуратно поднимаясь с ведрами по лестнице. Нило разместили чуть дальше по коридору. Оставив вещи Мисс Роккайо у ее двери, он вернулся к фургону за своим небольшим мешком вещей, которыми успел обзавестись за несколько недель путешествий, поднялся в комнату, запер дверь и усевшись на кровать стянул сапоги. Задрав ноги на кровать он засмот-

релся на шрамы опоясывающие щиколотку, со временем они потеряли бурый оттенок. С тех пор как он пришел в себя в фургоне, ни один шов от руки Мисс Роккайо не болел. Даже щекотно не тянуло кожу при заживлении, она просто срослась. Проведя рукой по щиколотке, он невольно подумал о том, что ее руки прикасались к нему, и смутился от своих же мыслей. Откинувшись на кровать, он вынул книгу из мешка и принялся читать ожидая вечера.

Мисс Роккайо впервые за долгое время уединившись, добавила травы и масла в горячую воду, распустила длинные волосы и погрузилась в нее с головой. Вода была слишком горячей и жгла лицо, но она терпела боль сильно зажмурив глаза. Когда силы задерживать дыхания были на исходе, она приподнялась все еще не открывая глаз, уперлась спиной в горячий металл и впитывала ароматы. Когда наполняли ванну, она успела осмотреть комнату и разложить некоторые вещи, отдавая должное вкусу Миссис Аверин. Цыганка открыла глаза, и снова обводила взглядом комнату, задерживаясь, то на изящной кованой спинке кровати, то на шелковом абажуре лампы глубокого синего цвета, далее на подобранных по такту и размеру картинах со сценами охоты, пейзажами и фотографиями гор. В дальнем углу комнаты стояло зеркало, заглядывать в которое цыганка старательно избегала. Последнее время она редко испытывала полное одиночество и старалась не отвлекаться от отдыха.

1. МАГ

В другой части дома, на первом этаже, в большой кухне, Дункана застали врасплох хлопоты кухарок, приступивших к приготовлению блюд для вечернего празднования. Суматошно бегая и громко распределяя обязанности они вынудили его уйти разделявать рыбу на задний двор. Кинув осетрину на верстак и разрезав ей брюхо, он, наконец, сосредоточился. К тому времени, как он выпотрошил весь улов, с кухни потянуло невероятными запахами. Дункан занес рыбу на кухню и через окно выходявшее на конюшни увидел мужчин седевших на перекладинах бочки. Им явно было очень весело. Не то что бы Дункан был против веселья, но его челюсть снова сжалась от гнева и он решительно направился к бочке.

Очередной погонщик рухнул на землю подняв в воздух пыль и смех. Рыжий молодой жеребец покрылся пеной на груди и в паху. Его ноги дрожали от напряжения, но он был намерен высадить и следующего добровольца. Когда нога парня оказалась в стремени и потянула седло вниз, рыжий приготовился к рывку. Он не знал, когда это закончится, но знал когда закончатся его силы, и решил играть по грязному, забыв про правила заездки. Он ждал когда вторая нога окажется в воздухе, чтобы рвануть в бок и раздавить седока об жерди бочки. Тело жеребца дрогнуло от напряжения, нога всадника оторвалась от земли, и раздался крик...

— Какого черта тут происходит!? — Дункан был в бешенстве.

Веселье резко прекратилось, всадник спрыгнул на землю, рыжий вырвался и нервно бегал по кругу. Все молча переглядывались и закрывали глаза полями шляп опустив головы.

— Я еще раз спрашиваю!? Какого черта???

Самый младший из погонщиков, видимо, сильнее всех испытывал чувство вины и заговорил первым.

— Он же совсем дикий, даже тебя об забор швырнул, мы решили его проучить, друг. Еще немного и он бы сдался...

На этом его оборвал холодный взгляд Дункана. Поймав рыжего под уздцы, он расстегнул подпруги и швырнул седло на землю. Конь вертелся и перебирал ногами, но почувствовал облегчение в руках Дункана. Поравнявшись с погонщиками, которые уже разочарованно спускались с перекладин, он молча посмотрел в лицо каждому, презирая их глупость. Тот, что заговорил первым, почти беззвучно попросил прощения и открыл ворота бочки. Уже стемнело, когда Дункан отшагал разгоряченного жеребца и намазал растертым в кашу мылом припухлости на месте тугой подпруги. По опустевшему двору стало ясно, что все приступили к празднованию приезда гостей.

Кеган Старший с Аверин сидели во главе длинного стола, по левую сторону от них рядом сидели сыновья. По со-

седству с Леоном было пустое место для Дункана. По правую сторону сидели отдохнувшие гости, еще около двадцати мест занимали работники ранчо, шумно обсуждая свои дела. Под лестницей была организована небольшая сцена с местными музыкантами, вокруг которых танцевали дети и молодежь не заинтересованная застольями. Зайдя в дом Дункан словно дикобраз ошетинился, запах мяса и эля ударил в нос, громкая музыка и болтовня оглушили его. Немного растерянно он приблизился к столу в центре большого зала. Леон сразу отличил его напряженное выражение лица в радостной толкотне, и размахивая руками позвал за стол. Замешкавшись на секунду, Дункан все же пошел к другу. Глава семьи уже выпытывал подробности приключений у цыганки, его глаза горели, щеки были еще румянее от выпитого эля, а смех содрогал деревянные стены дома. Почувствовав напряжение Дункана, когда он отодвигал стул и присаживался за стол, все немного притихли. Кеган резко переменялся в лице, сменив озорство на отцовскую озабоченность, он мягко спросил, что случилось и почему тот задержался. Дункан, не долго думая, ответил.

— Разбирался с идиотами.

Кеган немного озадачился таким ответом, старшие братья перешептывались между собой, а остальные вопросительно смотрели на Дункана. Леон, решив не усугублять ситуацию расспросами, резко поднял стакан и предложил выпить за брата. Все радостно его поддержали, а Кеган встал, чтобы

сказать тост. Дункан смутился от такого внимания и уставился в свой стакан.

— Согласен, сынок! Нам нужно выпить за Дункана. За самого ответственного и талантливого объездчика лошадей, что я повидал на своем веку. За любимого сына, доброго и честного брата. За тебя Дункан! Скол!

В зале поднялся радостный гул и стук деревянных стаканов. Эль проливался на блюда, но от этого они становились лишь вкуснее. Заиграла новая мелодия и еще больше людей из-за стола отправлялись в пляс. Тиган на ходу допивая эль и выкрикивая имя Дункана отправился в хоровод. Все еще чувствуя себя неуютно, Дункан залпом опустошил свой стакан, встретился взглядом с цыганкой, которая все время сидела напротив и изучала его, и не зная куда себя деть, налил еще. Напряжение росло, в поиске поддержки он ткнул локтем в бок Леона.

— Что там случилось? — тихо спросил Леон. — Ты был похож зверя, когда вошел, даже я струхнул.

— Твои идиотские погонщики устроили родео с моим рыжим дичком. Теперь он неделю будет отдыхать от заездки и скорее всего сломает мне пару костей в отместку.

— Я поговорю с ними, но ты же знаешь, что они и на тебя работают. Если надо, увольняй их, найдем других.

Дункан промолчал. Леон ободрительно потрепал его по плечу и стукнул своим стаканом о его, предлагая забыться хоть на этот вечер. Дункан был не против. Опрокинув еще

один стакан эля, он смелее выдержал взгляд цыганки, и прислушался к тому, что она говорила.

— О, это на самом деле глупая история. Когда я пересекла границы Америки, первые люди, встретившие меня, не говорили ни по испански, ни по мексикански. Они буквально на пальцах спрашивали, как меня зовут, я и сказала — Роккайо. На цыганском это означает роса — мое имя. А оказывается здесь принято звать по фамилии с приставками Мисс и Миссис. Так как я не замужем, они очень утвердительно заявили, что я теперь Мисс Роккайо. Так я и представлялась другим.

Пока сидевшие за столом внимательно слушали цыганку, Нило чувствовал, что его уши наливаются свинцом и увеличиваются в размере от осознания, что он все это время обращался к ней по имени. Волна смущения и ликования заставила его ерзать на стуле и наигранно прочищать горло. Пытаясь привести себя в чувства он выпил еще несколько глотков Эля, даже не заметив того факта, что она умолчала о погибшем муже. Цыганка продолжала разговор, в этот раз вопрос задала Аверин.

— Ваш фургон, он полон лекарств и снадобий, вы врач или гастролирующий торговец?

— Я скорее целитель, в моем роду по женской линии передается дар врачевания и предсказаний будущего. Иногда, я чувствую, что мне нужно быть в определенном месте, чтобы помочь страдающему. Так было с Нило, так было с жере-

бенком, что мы привезли. Сердце ведет меня и я иду на зов.

В глазах Кегана сверкнула искра понимания. Он верил в знаки, он полагался на интуицию. — А вы можете предсказать будущее нашему ранчо? Свадьбы сыновей, снег среди лета?

Аверин встревожилась и потянула за рукав мужа. Судьба не игрушка и она боялась услышать то, что знать не следовало. Цыганка заметила это, и словно ожидая разрешения Аверин, молча смотрела ей в глаза. Даже волнение не сдержало ее любопытство. Одобрительно кивнув, она все же продолжала держать мужа за рукав.

— Чтобы сделать точное предсказание мне нужны карты и тихая обстановка. Но еще на въезде, под вывеской, я видела благое знамение. Жеребенок и кобыла, что мы вам оставили, принесут вам огромную удачу, если вернете их хозяину.

— Отец, у кобылы тавро Уилсона, я могу заняться этим, — сказал Леон.

Нило облегченно выдохнул, он был не готов к возвращению и скрывал этот факт от цыганки. Кеган разразился хохотом и снова поднялся для тоста.

— Вы слышали? Гости принесли нам удачу! Давайте выпьем за это!

Зал снова загудел и музыка стала еще громче, поэтому все слушали Кегана, единственного, кто мог не напрягаясь перекрывать своим голосом шум. Так гости узнали про переезд семьи из Ирландии. Про предыдущих гостей — семью нем-

цев едва говорящих на английском, которые спустя несколько недель поисков пристанища вернулись, чтобы осесть навсегда в Уотерфорде. И про белого тельца, и про внуков, которых они очень ждут. Зная все эти истории наизусть, Дункан улизнул на балкончик на втором этаже, в конце коридора. Там стояло его кресло и газовая лампа для чтения. Нило внимательно слушал всех за столом, даже разговоры среди рабочих, пока его мысли не начали путаться от крепости эля. Мисс Роккайо тоже утомилась к полуночи, и в сопровождении Нило благополучно добралась до комнаты. Когда ее дверь закрылась, самообладание Нило было исчерпано настолько, что до своей комнаты он добирался перебирая руками по стеночке, неуклюже уронив одну из рамок с фотографией на пол. Добравшись до двери, он какое-то время сомневался, туда ли пришел. Остановившись ходившую кругами комнату, столкнул мешок с вещами на пол и завалился на кровать даже не разуваясь.

Внизу еще стояли разговоры и тихо играла музыка, самые крепкие из собравшихся не планировали расходиться до рассвета. Мисс Роккайо не спалось, она ходила по комнате из угла в угол — что-то ее тревожило. В очередной раз проходя мимо зеркала она уловила черную тень в отражении. Обернувшись, уже в самой комнате, она увидела чёрный расплывчатый силуэт, настолько черный, что по краям он медленно втягивал свет в свою пустоту. Цыганка за мгно-

вание протрезвела. Это была не первая их встреча, но страх сковывал каждый раз с ужасающей силой. Попятившись назад, она споткнулась о ножку ванной и едва не упав, врезалась спиной в дверь. Собрав все самообладание она выскочила в коридор, но не хотела спускаться вниз. Оглядевшись по сторонам, остановилась взглядом на комнате Нило. Подойдя ближе замерла на месте, ее мучали сомнения. Действительно ли это будет уместно по отношению к нему? Нило, конечно, будет ей рад, но может понять это неправильно. Вспомнив, что ждет ее в комнате, холод снова пробежал по всей спине, и рука невольно потянулась к дверной ручке. Что-то упало на пол. Не в комнате Нило. Цыганка обернулась на звук, под дверью мелькала слабая полоса света, тянуло холодным уличным воздухом. Сделав несколько шагов по коридору, она услышала ворчание. Дверь начала открываться и глаза ослепила лампа, которую нес Дункан. Он уснул в кресле и уронил книгу, закрыв нужную страницу, поэтому пошел укладываться в комнату. Увидев Цыганку он смутился, осмотрелся по сторонам, и прикинув, что помешал ей попасть в комнату к молодому мексиканцу, смутился еще сильнее. Так он и смотрел на нее молча, не зная, что сказать. Мисс Роккайо поняла по движению его глаз, что он подумал, и резко крикнула то, что первым пришло в голову.

— Крыса! Помогите, сэр, в моей комнате бегала крыса, я так испугалась...

«Она и правда выглядит очень напуганной» — подумал

Дункан. Осознав, что кроме него поблизости никого нет, все же согласился помочь.

Оказавшись в комнате, цыганка с облегчением не нашла там тени. Дункан же, не нашел там крысы. После короткого неловкого разговора он стремительно вышел из комнаты. Цыганка растеряннo села на кровать и хотела уже расплакаться от своего глупого положения, как в комнату постучали. Она радостно бросилась к двери, в надежде, что Нило услышал возню в коридоре и пришел ее проверить. Дверь открылась, а на пороге стоял Дункан с двумя толстыми котами под мышками.

— Вот, это вам охрана, — сказал он протянув их цыганке.

Коты лениво изворачивались. Мисс Роккайо растерялась еще сильнее, и не успела даже поблагодарить Дункана, как дверь закрылась и он снова ушел. Стоя с двумя котами в руках она глубоко вздохнула и смирилась с тем, что произошло. Спала она крепко, коты свернулись в ногах и грели ее. Тень больше не появлялась. Отпугнули ее коты, Дункан, или травы, что сожгла цыганка перед сном, так и осталось загадкой.

ДАР БОГОВ

Следующий день проходил очень лениво. В доме наводили порядок, пока снаружи делали повседневные дела. Гости спали допоздна. Мисс Роккайо постучала в дверь Нило, тихонько сказав, что невежливо проспать еще и обед. На что в ответ слышала невнятное мычание. А когда Нило спустился вниз, по его помятому виду было ясно, почему он ответил именно так. Старшие братья — Кеган и Райан, предложили ему проехаться верхом к горной реке и искупаться, чтобы избавиться от похмелья. Нило согласился и отлично вписавшись в компанию братьев вернулся уже затемно. Мисс Роккайо ближе к вечеру спустилась на ужин, встретила ее только Аверин и помощницы, остальные мужчины задержались по хозяйственным делам. Аверин была очень открытой и мудрой женщиной, ее густые волосы немного выбивались из кос, давая понять, что она не любит сидеть сложа руки. Щеки были румяными, а улыбка излучала такое тепло, что не возникало вопросов, почему в этом доме столько доброты и заботы. После светской беседы она предложила прогуляться по ранчо, на что гостя с радостью согласилась. Взяв с собой несколько щенков охотничьих собак они вышли во двор.

— Видите вот это маленький амбар? Это первое, что построил Кеган. Там мы жили первый год после переезда. Когда мы обзавелись скотом и наняли людей, Кеган начал стро-

ить дом. Тогда уже я была беременна Тиганом и большую часть времени гуляла с собаками по округе, первые месяцы верхом, потом уже на своих двоих. Мои мальчишки запрещали мне заниматься какой-либо работой и привезли из города фотоаппарат.

— Так это ваши снимки в доме?

— Да, некоторые из них, потом я уже сама с энтузиазмом покупала картины и фотокарточки в лавках. Даже и не скажешь, но все это было построено за двадцать лет. Я много чего успела повидать за это время.

Мисс Роккайо испытывала чувство уважения и восхищения к этой женщине. Когда они вошли в конюшни, она продолжала.

— Вот это мой старичок Лоэхро. Ему уже двадцать семь лет, все мои дети учились на нем ездить. Он нам достался от Генри — военного врача, вы его видели, после ухода из армии он обучился ветеринарии. Лоэхро прошел с ним всю службу и был списан на пенсию в возрасте семи лет. Сам же Генри был немного потерян и не понимал, что делать дальше со всей жизнью, а когда повстречал Кегана, согласился переехать к нам и работать здесь. Вон там его дом, — она указала на один из опрятных домиков.

— Здесь в воздухе витает благодарность и почтение, — сказала Мисс Роккайо взяв на руки щенка дергавшего ее за подол юбки.

— Поверьте, я отношусь ко всем этим людям с таким же

уважением и благодарностью. Это огромный труд — содержать такое большое хозяйство. А что на счет вас? Вы хотели бы осесть и обзавестись чем-то подобным?

— Ох, даже не знаю. Это все великолепно, и я хотела бы иметь большую семью, но, кажется, я не могу иметь детей. И я чувствую долг, перед людьми, которым я могу помочь своим даром и знаниями. Поэтому продолжаю свои скитания. Пока что, фургон мой дом, — тень грусти скользнула по ее улыбке. Аверин не стала расспрашивать, а лишь взяла цыганку за руку.

— В жизни ведь все возможно, вы это лучше меня знаете. Если бы не чудо, в нашей семье не появился бы Дункан.

— Леон представил мне его как друга, а вы зовете его сыном. Почему?

— У него было очень тяжелое детство. Его отец имел большое хозяйство в России, наверное, оттуда и его таланты в работе с лошадьми. Но во время гражданской войны одна из сторон обязала их завод снабжать армию. За несколько лет процветающее хозяйство окончательно разорили. Но их не оставили в покое, а приводили на «починку» израненных и изможденных кавалеристов. Однажды вернулась кобыла, которая выросла на заводе и была любимицей его отца. Ее распухшая и запущенная рана на ноге была безнадежной. Всаднику досталось не меньше, он едва ходил, а глаза были налиты кровью из-за раны на голове. Это стало последней каплей. Отправив сына домой, отец объяснил, что не смотря

на приказ, ему придется застрелить кобылу, избавить ее от мучений, и что сыну не стоит этого видеть. Дункан, тогда его еще звали Демьяном, не хотел оставлять отца и спрятался на конюшне. Когда прозвучал выстрел, он услышал как упала кобыла. Не выдержав, он расплакался и побежал к отцу, но сразу же прозвучал и второй выстрел. — Аверин поправила воротник, переводя дух, глаза ее блеснули от слез. — Он не прижился у родни своей матери и сбежал из дома. Не знаю, почему он решил так поступить, но он прокрался в вагон товарного поезда и проехал в нем аж до самой Англии. Когда его нашли, он был скорее мертв, чем жив. На перроне инспектор и машинист поезда решали, что же делать с этим ребёнком. Мимо проходил Леон. Мы прибыли на тот же вокзал, и маленький негодник улизнул от меня. Он был слишком любопытным, чтобы сидеть на месте, я сама уже бросилась его искать, когда он на руках приволок скелет обтянутый кожей. Я в ужасе начала спрашивать что случилось, на что Леон ответил: «я украл его у тех дядь, он, кажется, бездомный, давай его покормим?». Тут я разволновалась еще больше. Через какое-то время нас заметил инспектор. По его словам, ребенок попал в страну незаконно, депортировать его без документов никто не будет, поэтому лучшее, что он может сделать — это отдать его в приют. Кеган тогда сказал, что это может быть даром или испытанием богов, поэтому мальчика мы заберем в Америку, раз тут он никому не нужен. Ему удалось договориться с инспектором, тот даже по-

мог нам пройти на корабль без дополнительного билета. В тот момент он и стал нашим сыном.

— А почему он продолжает звать себя другом Леона?

— Из-за сильного внешнего отличия, его часто задирали другие дети, называли подкидышем и гадким утенком. Леону не раз приходилось драться из-за этого, защищая честь брата. Но Дункан настоял на том, чтобы при чужих он был лишь другом семьи, так это и привязалось.

— А имя? Он сам поменял?

— Нет, это даже похоже на вашу историю. За время пути на корабле в Америку Леон пытался разговорить его, но понятнее дело, он говорил только по русски и то, еле слышно. Леон счел движение губ имени Демьян похожими на имя Дункан. Несколько я знаю, Дункан никогда не был против этого имени.

— Они действительно как родные братья, я видела как Леон о нем заботится, это очень мило.

Аверин улыбалась еще теплее.

— Кеган был прав, это был дар богов. Надеюсь его родня не сильно тосковала по нему, здесь его очень любят и уважают, за его ум и порядочность. Он говорил, что все лошади здесь, кроме Лоэхро, обучены им? Он с десяти лет этим занимается. У него собственный подход к этим существам. Они становятся такими умными и надежными, что владельцы ранчо и погонщики привозят лошадей со всей округи на обучение. Сейчас он работает с рыжим дичком, что чуть не

покалечил его. Но я уверена, к осени это будет лучшая рабочая лошадь на ранчо.

— Нет, не говорил. Он в целом не разговорчив. Но это звучит замечательно, и правда, нашел свое место. — Мисс Роккайо вспомнила вчерашних котов и засмеялась.

Аверин затаила теплую материнскую надежду, что Дункан и гостья приглянулись друг другу. — Если хотите оставайтесь тут хоть навсегда, — Аверин говорила от чистого сердца. — Или приезжайте в любое время, вам здесь всегда будут рады.

— Я очень ценю ваше предложение, и обязательно вернусь снова.

Аверин понимающе кивнула и предложила гостье прогуляться в небольшой садик с аккуратной деревянной леткой. Для долгих посиделок было еще прохладно, но они успели обсудить свою молодость, сравнивая жизнь на ветреных берегах Ирландии и в таборе на равнинах Испании.

У ДУБА

Когда начало темнеть, Дункан, как обычно, отправился на балкончик почитать книгу. Отдыхая у себя в комнате Мисс Роккайо слышала его шаги. Не зная, как его поблагодарить, она не придумала ничего лучше, чем снова попросить принести котов на ночь. Не дожидаясь, когда он примется читать, она следом вышла в коридор, застав его на пороге балкончика.

— Добрый вечер! Я хотела поблагодарить вас, и как бы странно это не звучало, попросить снова обеспечить меня охраной на ночь, — она кокетливо улыбалась. Это всегда срабатывало.

— Добрый, Мисс. Да, я занесу их к вам. Чем-то еще могу помочь? — Дункан держался холодно, хоть и немного надеялся, что снова увидит ее здесь. Что уж там немного, он ждал момента, когда вновь пройдет мимо ее комнаты весь день.

Мисс Роккайо немного растерялась. Почувствовав себя навязчивой, она тихо поблагодарила Дункана и отправилась в комнату.

Он сел читать, но волнение отдавало гулками ударами сердца по-всему телу. «Да какого черта?» — захлопнул он книжку и уставился на месяц ярко светивший в сумрачном небе. «Как мальчишка, притащил ей котов, что за идиот...» — он встал с кресла и облокотившись на перила посмотрел

на округу. На сервере от ранчо, недалеко от накатанной дороги виднелось одинокое дерево. Дункан часто уезжал туда поразмыслить о жизни. Этим вечером ему снова захотелось успокоить свои волнения. Спустившись вниз он нашел в кладовой двух спящих котов, притащил их к двери цыганки. Гул уже отдавался в уши, словно что-то колотилось возле него снаружи. Беззвучно отругав себя за несдержанность, он постучал лбом в дверь. Мисс Роккайо с радостью приняла пушистых охранников, и готова уже была закрыть дверь, как Дункан заговорил.

— Я... — он было начал, но замешкался. — Я сейчас поеду на прогулку, тут неподалеку есть одинокий дуб. Обычно я там останавливаюсь поразмыслить и отдохнуть от местной суеты. Если хотите поехать со мной, я подготовлю вам лошадь, — цыганка молча слушала. — Да, я понимаю, что у вас есть спутник, я и не смею предлагать что-то постыдное, просто поговорить в тишине. В общем, я могу подождать вас внизу... — ее молчание начинало нервировать Дункана, он переминался с ноги на ногу и интонация становилась все более сухой.

— Я еду, — решительно ответила цыганка. — Оденусь потеплее и спущусь к конюшне.

Дункан некоторое время смотрел на нее недоумевая. Придя к какому-то выводу у себя в мыслях он приподнял брови и развернувшись на месте отправился вниз по лестнице.

Мисс Роккайо следом отпустила котов и приложила руки

к щекам — они горели. Или это руки были холодны. Или все одновременно. Уже не важно, надо было переодеться. Погасив свет в комнате она избежала лишних вопросов от Нило, решив, что она спит, тот не станет беспокоить.

Дункан привел двух лошадей. Одного из них Мисс Роккайо узнала, старый конь сонно стоял у входа.

— Вы думаете я не умею сидеть верхом?

— Остальные сегодня работали — ответил он абсолютно серьезно, не уловив ее подтрунивание.

Напряжение висело в воздухе.

До дерева они ехали молча. Время от времени Дункан поглядывал через плечо, все ли в порядке со спутницей. Цыганка уверяла себя, что это все равно лучше одинокого вечера в комнате. Добравшись до дерева она немного озябла. Дункан был очень хорошо подготовлен к отдыху. Он снял с седла попону и постелил на землю, следом поставил и зажег лампу, сбросил два шерстяных одеяла, термос с кофе и сверток с едой. Мисс Роккайо была немного удивлена. Она же взяла лишь колоду карт, и то, по привычке.

Неловко усевшись на толстую зимнюю попону, она ждала пока Дункан разольет кофе по металлическим стаканам.

— Вафли, яблочный пирог, вяленое мясо?

— Пожалуй, вафли.

Пили кофе в тишине. Наконец ее терпение закончилось.

— Аверин мне многое рассказала о вас...

— Можно на ты, — перебил он. — Прости, продолжай.

— ...она говорила, что у тебя особый дар в работе.

— Правда? — он довольно хмыкнул.

— Да.

Она ожидала душещипательной истории, но Дункан лишь молча жевал вафли.

— Оно само так происходит, — наконец заговорил он. — Я просто слушаю их и пытаюсь понять.

Цыганка осознала, что «поговорить в тишине», означало, что большую часть времени тишина будет висеть между ними двумя. Решив, что игра не стоит свеч, она смотрела на звезды и молча потягивала кофе. «Я так могу хоть до посинения сидеть» — подумала она, устраиваясь поудобнее. Допив свой кофе, он тоже устраивался поудобнее и придвинулся ближе. Волна мурашек пробежала по ее правому плечу, почувствовав прижавшееся одеяло.

— Я не знаю, зачем я тебя позвал. Вообще я хотел ехать один, чтобы избавиться от волнения. Но именно это волнение дернуло меня за язык позвать тебя сюда.

Мисс Роккайо молча смотрела на звезды. Это означало, что он не рад ей, или что его волнение схоже с ее волнением?

— Ты жалеешь об этом? Теперь я знаю твое любимое место, — она медленно обернулась к нему и пристально посмотрела в глаза. Между ними было гораздо меньшее расстояние, чем она представляла.

Дункан стойко выдержал этот взгляд. И снова приподняв

брови после какого-то умозаключения, улыбнулся.

— Мне не жалко, это всего лишь дерево посреди прерии.

— Где твой дом? — неожиданно для себя спросила она.

— Там где я.

— А где твои мечты?

— Их нет.

— Не верю, — цыганка не сдавалась.

— Если их не видишь даже ты, с даром провидения, то я тем более бессилён, — в этот раз он говорил серьёзно и даже разочарованно.

— Я могу посмотреть... в будущее, если ты позволишь.

Он наклонил голову в сторону, его глаза блуждали по её лицу.

— А какое твоё будущее?

— Этого я знать не могу. У меня есть предчувствия, но своё будущее я не вижу.

— А если ты мне предскажешь какой-нибудь ужас, как мне с этим жить?

— На это у меня ответа нет. Потому мне и нужно твоё разрешение.

— Пан или пропал... — он понизил голос. — Удиви меня.

Цыганка не понимала, ей нравится его дерзость или нет. В его взгляде было что-то тёплое, но слова обжигали холодом. Достав из кармана жилетки мешочек с колодой, она немного отодвинулась назад, оставив между ними место для расклада. Первой картой был перевернутый Маг.

— В тебе есть огромный потенциал, но ты подавляешь его.

— Мама мне тоже так говорила, — он смотрел исподлобья, с издевкой.

Цыганка продолжала. Наблюдая за тем, как она вытягивает карту, он резко поймал ее руку, не позволяя перевернуть.

— Скажи, как я умру?

— Тебе не стоит это знать. Никому не стоит это знать, — он не отпускал ее руку и продолжал пристально смотреть.

— Скажи. Я не боюсь. Она ходит за мной по пятам, она не дает мне спать, я хочу знать чего мне стоит бояться, а чего нет.

Дункан больно сжимал запястье. Пытаясь освободиться она выронила карту — башня объята пламенем. Едва открыв рот, чтобы возмутиться она подняла глаза и замерла. Дункан смотрел словно сквозь цыганку стеклянными глазами. Обернувшись, туда же, куда был направлен его взгляд, она снова увидела черноту затягивающую свет лампы.

Волчонок запертый в клетке.

Дункан не слышал звук, он его чувствовал у себя в голове. Как собственные мысли.

Маленькой волчонок трусливо ждет. Когда клетка откроется. Когда удавка затянется. Когда кровь прольется.

Дункан побелел. Стало тяжело дышать. Он пытался сорвать с горла то, что его сжимало, раздирая ногтями кожу и разрывая пуговицы рубашки. Но там ничего не было. Цы-

ганка бросилась к нему, схватив его за лицо руками.

— Смотри на меня! Смотри на меня! Не слушай!

Зажав руками его уши, насколько хватало сил, она прижала его к себе. Тело Дункана билось в агонии. Во рту у него разлился железный вкус. Он чувствовал, как захлебывается собственной кровью.

— Потерпи... Она сводит тебя с ума... Потерпи...

Она плакала и крепко прижимала его к себе. Наконец, его тело начало расслабляться и отяжелело. — Я же говорила, ты не должен был этого знать...

Дункан уперся рукой ей в бедро и освободился от объятий. Все еще опустевший взгляд пытался различить реальность и бред. Он уставился на цыганку. Та, вытирала лицо рукавом куртки и содрогалась рыданиями. Оглядевшись вокруг, он ощупал себя, землю, пытался потрогать воздух. Цыганка молча наблюдала подавляя дрожь в теле, — «Неужели он сошел с ума?».

— Это была ты!?

— Что!? Что ты видел?

— Ты говорила о волчонке???

— Нет, я пыталась привести тебя в чувства!

— Я был в бреду? Что ты мне показала!? Я чувствовал, что... умираю!? — от его надменности не осталось и следа, он был в ужасе.

— Я не контролирую это... Я не просила ее делать это... Я сама ее боюсь... — цыганка снова разразилась рыданиями.

— Ее? Так за тобой она тоже ходит!?

Цыганка лишь плакала. Дункан схватился за голову и сидел так некоторое время. Прийдя в себя, он поднял с земли одеяло, которое выбросил в бреду. Встряхнул его, накинул на плечи и встав на колени рядом с Мисс Роккайо, заключил ее в объятия, укрыв одеялом обоих. Когда тревоги утихли, время перевалило за полночь. Не зная как говорить о произошедшем, они продолжали сидеть молча обнявшись. Ее голова покоилась на его плече. Он смотрел на звезды. Дункан видел свою смерть. Снова и снова. Будто в этом таился какой-то ответ.

— «Она» сказала, «Маленькой волчонок трусливо ждет. Когда клетка откроется. Удавка затянется. Кровь прольется». Что это значит?

— Не все ли равно. Ты сейчас жив, — цыганка чувствовала себя вымотанной. Она хотела вечно находиться под этим одеялом.

— Прости. Все это произошло из-за моего невежества, — в его голосе звучала горечь. — Как ты с этим живешь?

— Иногда, я задаюсь вопросом, а живу ли я вовсе? Почему «она» говорит именно со мной...

— Прости, я не знал.

Он не пытался найти исчерпывающего ответа, почему она стала так важна для него. Может потому, что она разделяла его проклятье. Или это произошло до того, как они заговорили в первый раз. В этот момент ему казалось, что умереть

на ее коленях не самая страшная участь. Он даже довольно хмыкнул от этой мысли. Мисс Роккайо этого не заметила, она уснула, уткнувшись в его теплую шею. Дункан медленно подался назад и уперся спиной в ствол дуба, приготовившись к долгому ожиданию рассвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.